

НЕОКОНЧЕННЫЙ ОТРЫВОК

Отнюдь не вдохновение, а грусть
меня склоняет к описанию вазы.
В окне шумят раскидистые вязы.
Но можно только увеличить груз
уже вполне достаточный, скребя
пером перед цветущею колодой.
Петь нечто, сотворенное природой,
в конце концов, описывать себя.
Но гордый мир одушевленных тел
скорей в себе, чем где-то за горами,
имеет свой естественный предел,
который не расширишь зеркалами.

Другое дело — глиняный горшок.
Пусть то, что он — недвижимость, неточно.
Но подвижность тут выражена в том, что
он из природы делает прыжок
в бездушие. Он радует наш глаз
бездушием, которое при этом
и позволяет быть ему предметом,
я думаю, в отличие от нас.
И все эти повозки с лошадьми,
тем паче — нарисованные лица
дают, как всё, что создано людьми,
им от себя возможность отделиться.

Античный зал разжевывает тьму.
В окне торчит мускулатура Штробля.
И своды, как огромная оглобля,
елозят по затылку моему.
Все эти яйцевидные шары,
мне чуждые, как Сириус, Канопус,
в конце концов напоминают глобус
иль более далекие миры.
И я верчусь, как муха у виска,
над этими пустыми кратерами,
отталкивая русскими баграми
метафору, которая близка.

Но что ж я, впрочем? Эта параллель
с лишенным возвращенья астронавтом
дороже всех. Не склонный к полуправдам,
могу сказать: за тридевять земель
от жизни захороненный во мгле,
предмет уже я недушевленный.
Нет скорби о потерянной земле,
нет страха перед смертью во Вселенной...

1966